

СЛУЧАЙНО ЖЕНАТЫ

СЕСИЛИЯ СУАРЕЗ

18+

Сесилия Суарез
Случайно женаты

«Автор»

2026

Суарез С.

Случайно женаты / С. Суарез — «Автор», 2026

Я обняла его за шею. Придвинулась ближе. Стул шатнулся.— Катя, — прошептал он мне в губы. — Ты переигрываешь. Я забралась на него. Буквально. Села на колени, обхватила ногами его бедра. Платье задралось. Я чувствовала его дыхание на своей шее.— Ты с ума сошла, — сказал он хрипло.— Я хочу, чтобы они лопнули от злости. Я впилась в его губы. Жадно. Глубоко. Мои пальцы запутались в его волосах. Его руки скользнули по моей голой спине — от лопаток до поясницы.— Катя, — он пытался отстраниться, но я не отпускала. — Катя, остановись.— Не могу. Это слишком весело. Я пришла в бар позлить бывшего. Владелец бара согласился сыграть роль моего парня. Мы напились, пошутили и проснулись женатыми. Теперь живём в одной квартире, спим в разных комнатах и пытаемся прожить вместе месяц, чтобы подать на развод. Он ненавидит, когда я кладу хлеб в холодильник, я ненавижу, когда он ходит без рубашки. И мы оба ненавидим то, как сильно хотим друг друга.

© Суарез С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Бар "У Марата"	5
Глава 1. Плохой день и текила	6
Глава 2. Случайно женаты	10
Глава 3. Ёжик, хлеб и другие войны	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Сесилия Суарез

Случайно женаты

Бар "У Марата"

Любовь не всегда возвышенна или удобна. Иногда она пахнет текилой и прячется за керамическим ежиком.

Когда мир рушится, особенно если начальник объявляет выговор, а бывший строит козни, люди хотят не мести. Они хотят домой. К тем, кто ждёт их на диване с пледом и чашкой кофе. Иногда любви больше не в словах, а в том, как он варит вишнёвое варенье для нее. В том, как она сжимает его ладонь, чтобы успокоить.

Наша история начинается в баре «У Марата». С текилы. Со злости на бывших. С одного пьяного поцелуя.

Глава 1. Плохой день и текила

В банке был объявлен час тишины. Я сидела в своём стеклянном аквариуме — рабочем кубе размером два на два метра с серыми стенами и искусственным фикусом, который поливала раз в полгода для порядка, и смотрела на цифры. Кредитные риски. Просрочки. Дефолты. Моя жизнь превратилась в сплошной дефолт, только вместо денег дефолтили мужчины. Приветик, я — Катя Дорохова, кредитный аналитик шестой категории. Шесть лет я смотрю на чужие идеи проектов и говорю: «Это рискованно». Моя личная жизнь тоже рискованна — но там я всегда забываю нажать на красную кнопку отказа. Вот уже два года я формально встречалась с Денисом. «Формально» — потому что он встречался параллельно с Яной, но мне сообщил об этом только вчера. По телефону. Нет, он не позвонил. Написал смс. Пока я была на совещании. «Ты слишком правильная, Катя. Мне нужно что-то острее». Острее. Его новая девушка — Яна, инфлюенсер с губами-подушечками и профессией «выкладывать фото завтраков». У неё острый ум, наверное, в умении надуть губки, нанося помаду. Я представила, как она утром красит губы и думает: «Сегодня я буду острой». — Дорохова! — голос начальника раздался из динамика громкой связи, заставив меня вздрогнуть. — Зайдите ко мне. Срочно. Я вздохнула. Взяла папку с отчётами с надписью «Кредитный комитет». Папка казалась тяжёлой, как камень на моей душе. Коридор банка был бежевым: стены цвета супа из тыквы, который я ненавидела с детства. Лампы дневного света жужжали, как рой обезумевших шмелей. Мимо прошла коллега Лена из отдела персонала. Она всегда улыбается, как будто выиграла в лотерею, хотя её муж изменяет ей с секретаршей. Я знаю. Я видела их целующимися и обнимающимися в «Макдоналдсе» на углу. — Удачи, — прошептала она, проходя мимо. — Мне нужна не удача, а текила, — бросила я. Она не поняла. Но мне было всё равно. Кабинет начальника был угловым, с окном во двор, где вечно курили курьеры. Начальник — Сергей Викторович, пятидесятилетний мужчина с лысиной и привычкой носить подтяжки — сидел за столом, перебирая бумаги. Место напротив него было пустым. Я села. Папка легла на стол с глухим стуком. — Катя, — начал он голосом, каким говорят с приговорёнными к расстрелу. — У нас проблема. — Просрочка по кредиту «Волатилов и партнеры»? — предположила я. — Я предупреждала, что они не платёжеспособны. — Нет. Проблема в вас. Я замерла. Мои пальцы сжали край стола. — Я? — Мне сообщили, что сегодня в буфете вы публично оскорбили меня, — он посмотрел на меня поверх очков. — Вы сказали, и я цитирую: «Сергей Викторович — динамит в юбке, который не знает разницы между дебетом и кредитом». Я смотрела на него во все глаза. — Это был комплимент вашему менеджменту, Сергей Викторович. «Динамит» — это значит энергичный. А юбка — это метафора — У меня нет юбки, Катя. — Я знаю. Это была метафора стиля. Он не купился. Я видела, как подрагивает его левая бровь — верный признак того, что сейчас начнётся разнос. И он начался. Десять минут ада. Десять минут вылетающих из его рта слюней и криков о том, что я «не вписываюсь в корпоративную культуру», что моё «чувство юмора неуместно», что если я ещё раз позволю себе «подобные вольности», то буду искать работу в другом месте. Я кивала, сжимала папку и мысленно считала до ста. Дважды. — Вы поняли, Катя? — закончил он. — Поняла, Сергей Викторович. В следующий раз буду материть вас исключительно мысленно. Он покраснел. Я вышла. В коридоре меня уже ждала Ира — моя лучшая подруга, работала тут же в юротделе, носила короткие стрижки и пила кофе с коньяком. И она была единственным человеком, кто знал о моей татуировке лисы на левом рёбре. — Ну что? — спросила она, отрываясь от телефона. — Я в порядке. Уволюсь через год. — Ты говоришь это каждый месяц. — Значит, уволюсь через месяц. Мы спустились вниз, вышли на улицу. Апрельский воздух пах бензином, жареными семечками и отчаянием. Я достала телефон. Денис прислал сообщение ровно в тот момент, когда начальник вызвал меня на ковёр. Я не читала — боялась. — Давай уже, — Ира выхватила телефон и прочитала вслух: «Катя,

прости, что всё так вышло. Без обид. Заберу свои вещи завтра. Ключ оставь под ковриком. Не злись. Денис». — Сукин сын, — сказала Ира. — Третий сукин сын за пять лет, — добавила я. — Я коллекционирую моральных уродов. — Тебе нужно напиться. — Причём нужно напиться до состояния, когда Денис покажется мне уродливым лысеющим хомяком, а не тем, кого я любила два года. — Я знаю место. Бар «У Марата». Там лучшая текила в городе. И хозяин — огонь. Но тебе не до огня. Тебе нужен ядерный реактор. — Огонь — это уже хорошо, — сказала я. — А ядерный реактор оставим на четвёртого урода. Пойдешь со мной? — Не могу, сегодня последний день сдачи договоров. Но ты сходи, тут не так далеко. Бар «У Марата» находился на тихой улочке в центре. Небольшая вывеска и деревянная дверь с потёртой ручкой. Я толкнула дверь. И чуть не задохнулась. Внутри было темно. Не «уютно-сумеречно», а по-настоящему темно — как в пещере, где прячутся тайны. Воздух пах кожей, виски и чем-то неуловимо мужским. Джаз играл так тихо, что его можно было не замечать. Народу — человек семь. Все сидели по углам, будто делили бар на личные территории. Я подошла к стойке. Деревянной. Массивной. С царапинами, которые могли рассказать сотню историй. С потолка свисали лампы в виде перевёрнутых стаканов. Горел неон — красный и синий. — Девушка одна? — раздался голос. Я подняла глаза. И забыла, как дышать. За стойкой стоял мужчина. Нет, слово «мужчина» слишком пресное. Стояло нечто. Высокий, под метр девяносто, плечи — будто он таскает мешки с цементом для удовольствия. Волосы тёмные, немного длинноватые, всклокочены. Скулы острые, нижняя челюсть квадратная, лёгкая щетина. Но не это главное. Главное — глаза. Светлые. Не голубые, нет. Такие светлые, что кажутся прозрачными. На смуглом лице в обрамлении тёмных ресниц они смотрели на меня с ленивым любопытством хищника, который ещё не решил, стоит ли меня съесть. — Одна, — выдавила я. — И очень нуждаюсь в текиле. — Ты выглядишь как женщина, которой нужен не алкоголь, а пистолет, — он усмехнулся, и уголок его рта дёрнулся вверх. — Но текила — это первый шаг. — Ты всегда так разговариваешь с клиентами? — Только с теми, кто приходит с таким лицом, будто хочет поджечь мир и плясать на пепле, — он поставил передо мной рюмку, солонку и дольку лайма. — Серебряная текила. Моя рекомендация. Пей. И рассказывай, кто тебя обидел. — С чего ты взял, что меня кто-то обидел? — Потому что ты сжимаешь сумочку так, будто это шея твоего бывшего. Я посмотрела на свои пальцы. Действительно, белые костяшки. Расслабилась. Взяла рюмку. Лизнула соль. Выпила одним глотком, закусил лаймом. Жгучая жидкость обожгла горло. Хорошо. — Денис, — сказала я. — Мой бывший. Сказал, что я «слишком правильная». Представляешь? — Представляю, — он, не спрашивая, налил мне ещё. — Меня бывшая назвала «эмоциональным сухарём». При этом ушла к моему лучшему другу. С бизнес-планом, который я придумал. — Охренеть, вот гадина. Так ты владелец? — Марат, — он протянул руку. Широкую ладонь, пальцы с чёткими костяшками. Красивые мужские руки, которые умеют делать что-то кроме нажатия кнопок в Excel. — И да, это мой бар. А ты? — Катя. Кредитный аналитик. — Боже, — он поморщился с таким видом, будто я назвалась сборщиком фекалий. — Ты считаешь риски? — Я считаю риски, — подтвердила я, чувствуя, как первая текила разливается по венам теплом. — Сегодня я назвала начальника «динамитом в юбке» и почти не потеряла работу. Марат рассмеялся. Глубоко. Так, что я почувствовала вибрацию в полу. — Катя-кредитный-аналитик, ты мне нравишься. Продолжай пить. Я продолжила. Спустя пару стаканов он присоединился ко мне, налив рюмку себе. Его за стойкой заменил другой бармен. Мы пили час. Или два. Время в баре «У Марата» текло как патока — медленно и сладко. Он рассказывал про свою бывшую Яну. Я рассказывала про Дениса. Мы ругали бывших так изобретательно, что Марат сказал: — Ты точно работаешь в банке? У тебя словарный запас оскорблений как у поэта Серебряного века. — Это всё от подавленности, — махнула я рукой. — Когда целый день сидишь в бежевом мире, твой внутренний садист вырывается в свободное время. Он налил ещё. Кажется, пятую. Или шестую. — А что у тебя под блузкой? — спросил он вдруг. Я поперхнулась текилой. — Что?! — Татуировка, — он кивнул на мою левую сторону. — Ты всё время прижимаешь локоть

к рёбрам. Значит, прячешь что-то там. Чёрт. Наблюдательный сухарь. — Лисица, — призналась я, потому что алкоголь развязал мне язык. — Маленькая. На левых рёбрах. Символ хитрости и свободы. Никто ее не видел. — Никто? — его светлые глаза потемнели. Или мне показалось? — Никто, — повторила я. — Даже Денис. — Дурак, — резюмировал Марат. — Твой Денис. И моя Яна тоже дура. Знаешь что, Катя-аналитик? — Что? Я замерла с рюмкой у губ. Он резко замолчал, смотрел куда-то в зал. Челюсть сжалась. Я перевела взгляд и опрокинула стопку разом. Забыв про соль и лимон. Там стоял Денис. Со своей новой девушкой. — Твою мать, — вырвалось непроизвольно. — Вон, — он кивнул на дверь. — Моя бывшая. Имеет наглость заявляться сюда... И уже с другим. Вот тварь. Я смотрела во все глаза. — Стой, стой, стой. Эта кукла с накачанными губами твоя бывшая? Он опрокинул стопку, также игнорируя соль и лимон. — Угу. — С моим Денисом. Он резко развернулся и посмотрел на меня в упор. — Ты прикалываешься. — Ни разу. Мне надо еще выпить. — Нам надо. Мы выпили еще. И еще. Смотрели на них. Денис. В своей дурацкой голубой рубашке, которая была мягкая, потому что он никогда не пользовался уютгом. И рядом — Яна. Блондинка с губами-подушечками и платьем, которое стоило как моя зарплата за месяц. Они сели за столик в углу. Денис что-то шептал ей на ухо. Она смеялась — тем смехом, который пробивает стекло. Острая, значит? — Хочешь, сделаем вид, что мы пара? — предложил Марат так спокойно, будто предлагал заказать картошку фри. — Поцелуемся при них. Пусть лопнут от злости. Я посмотрела на него. На его губы. Тонкие, с чёткой линией. На его руки, которые сейчас лениво крутили пустую рюмку. — Ты серьёзно? — А ты боишься? — Я не боюсь, — соврала я. Потому что боялась. Не бывших. А того, что его поцелуй, пусть даже фальшивый, разрушит что-то в моём бежевом мире. — Но ты должен знать: я целуюсь плохо. — Врёшь, — улыбнулся он. — У тебя губы как у женщины, которая целуется так, что мужчины пишут завещания. Он шагнул с барного стула, взял меня за руку и потянул к столику, где сидели Денис и Яна. — Привет, Яна, — сказал он с ледяной вежливостью. — А это Катя. Моя невеста. — Что?! — Денис вытаращился на меня так, будто я выросла из-под земли. — Катя, ты с ума сошла? — Ты Катя? — начала Яна. А потом Марат поцеловал меня. Это не был целомудренный поцелуй «в щёчку». Его ладонь легла на мою талию. Пальцы вжались в ткань блузки так, что я почувствовала жар его тела через тонкий хлопок. Он наклонился. Его губы накрыли мои — сначала мягко, пробуя на вкус. Пахло виски, лаймом и чем-то дымным. А когда я, ошеломлённая, приоткрыла рот, он углубил поцелуй. Медленно. Глубоко. Его язык скользнул по моей нижней губе, и я забыла, где нахожусь. Забыла про Дениса. Про банк. Про татуировку. Я слышала только стук своего сердца — где-то в горле, в висках, между ног. И чувствовала его запах — кожа, виски, дым. Мои пальцы сами вцепились в его плечо. Он притянул меня ближе, так что я почти повисла на нём. Он отстранился через вечность. — Познакомься, дорогая, — сказал он, не отпуская мою талию. — Это моя бывшая. А это её новый друг. Денис побледнел. Яна скривилась так, будто съела лимон. Её идеальные губы сжались в тонкую линию. — Катя, ты с ума сошла? — прошипел Денис. — Ты же банковский работник! Ты не можешь целоваться с первым встречным в баре! — Вообще-то это мой жених, — парировала я, чувствуя невероятный прилив силы. — А ты — бывший, который не умеет ценить правильных девушек. Пошли отсюда, милый. Я потянула Марата к выходу. — Милый? — усмехнулся он мне на ухо, когда мы вылетели на улицу. — Это было мило. — А поцелуй был — я запнулась, потому что язык отказывался подбирать слова. — Да, — сказал он. — Был. Мы стояли на тротуаре. Апрельский ветер трепал мои волосы, выбивая их из когда-то аккуратного пучка. Я смотрела на его профиль, освещённый тусклым фонарём. Он был красив. Пугающе красив. — Нам нужно ещё выпить, — сказала я. — Чтобы закрепить победу. — У меня дома есть хороший виски, — ответил он. — Или в отеле? Я не хочу везти тебя через весь город. — Отель. Но никакого секса. — Договорились, — его губы снова дёрнулись в полуулыбку. — Только пить. И говорить о том, какие они оба идиоты. Он поймал такси. Назвал адрес ближайшего отеля — какой-то «Вегас-Люкс». В машине мы сидели так близко, что моё плечо касалось

его бицепса. Я чувствовала тепло. Он не отодвинулся. В номере отеля — большом, с видом на ночной город и огромной кроватью, которую я старалась не замечать — Марат открыл мини-бар.— Шампанское? — спросил он.— А что, виски кончился?— Виски для серьёзных разговоров. Шампанское для дурацких поступков.— Мы уже совершили дурацкий поступок, — напомнила я, снимая туфли. — Притворились парой.— Нет, — он протянул мне бокал. — Дурацкий поступок — это когда мы решим, что нам нужно повторить тот поцелуй. Но уже без свидетелей. Я замерла. Бокал дрожал в моей руке.— Ты предлагаешь?— Я констатирую факт, — он сел на край кровати. Расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. Я увидела ключицу. Татуировка. И почему-то не могла отвести взгляд. — Ты думаешь о моих губах. Я думаю о твоей татуировке. И если мы сейчас не выпьем шампанское и не заснём в разных концах номера, то утром будем ненавидеть себя.— Ты прав, — выдохнула я. Села в кресло. Далеко от кровати. — Пьём и спим. Мы пили. Медленно. Шампанское было сладким, игристым, пузырьки щекотали язык. Мы выпили несколько бутылок. Мы смотрели друг на друга. Разговаривали о ерунде — о фильмах, о музыке, о том, почему апельсины лучше мандаринов. Он рассказал, что ненавидит ананас на пицце. Я сказала, что это моя любимая пицца. Это был самый интимный разговор в моей жизни. А потом я заснула. Прямо в кресле. Последнее, что помню — как он накрыл меня пледом, аккуратно убрал волосы с лица и что-то шепнул. Кажется: «Сладких снов, Катя-кредитный-аналитик».

Глава 2. Случайно женаты

Утро наступило слишком быстро. И слишком ярко. Солнце било прямо в глаза — я забыла задернуть шторы. Голова раскалывалась так, будто внутри работал отбойный молоток. Я не понимала, где я. Где кресло? Плед? Почему на мне та же блузка, но пуговицы растёгнуты? И почему на пальце — кольцо? Я не ношу кольца. Че за хрень? Золотое. Простое. Чужое.— Что за — прошептала я. Повернула голову. Марат спал на кровати. Рядом. В джинсах, без рубашки. Его торс был покрыт татуировками — дракон, выющийся по рёбрам, иероглифы на предплечье, какая-то вязь на плече. А на его безымянном пальце тоже было кольцо. Такое же. Я поднесла руку к глазам. Дернула кольцо пальцами. Кольцо не снималось. Будто приросло к коже. На тумбочке лежал листок А4 в прозрачном файлике. Я схватила его. Поздравляем с заключением брака! Молодожёны: Дорохова Екатерина Сергеевна и Климов Марат Алексеевич. Дата регистрации стоит вчера. Я закричала. Марат подскочил на кровати как ужаленный.— Что? Пожар? Террористы? Война?— Мы поженились! — заорала я, размахивая карточкой. — Мы, идиот, поженились! Он выхватил листок. Прочитал. Побледнел. Потом его глаза — эти светлые, прозрачные глаза — расширились до размера блюдца.— Это это шутка. Это не может быть правдой.— Посмотри на свою руку! Он посмотрел на кольцо. Дёрнул. Не снялось.— Катя, — медленно сказал он, и голос его был хриплым со сна. — Что мы вчера делали после отеля? Я ничего не помню после третьей бутылки.— Ничего! Я спала в кресле! Ты спал на кровати!— А потом? — его голос стал тише. Он сел, запустил пальцы в волосы. — Я помню, что разбудил тебя чтобы сказать что-то едкое про бывших. Ты сказала: «Поехали в Вегас». Я сказал: «Вегас закрыт». Ты сказала: «Тогда в ЗАГС».— Я не могла такое сказать! Я никогда в жизни не говорила «поехали в ЗАГС»!— Ты была пьяна, — он провёл рукой по лицу. — И я был пьян. И нам что, показалось, что это хорошая идея — пожениться, чтобы позлить бывших.— Это самая идиотская идея в истории человечества! — я вскочила с кровати. Голова закружилась, перед глазами поплыли звёзды. Я схватилась за спинку. — Мы не можем быть женаты! Я банковский работник! У меня родители консерваторы! А у тебя гребанный бар!— Так, — мрачно сказал Марат, хватая смартфон с тумбочки. — Сейчас всё решим. Развод. Цивилизованно. Без паники. Он начал яростно водить пальцем по экрану.— Что ты делаешь? — спросила я, подходя ближе.— Гуглю, — буркнул он. — «Как развестись после пьяной свадьбы». Господи, даже строка поиска меня осуждает. Я подкатилась к нему вплотную. Невольно. Потому что мне тоже было страшно до чёртиков.— И что там?— Советуют подать заявление на развод через госуслуги, — он поднял на меня глаза. — У тебя есть подтверждённый аккаунт?— Я кредитный аналитик. У меня есть подтверждённый аккаунт, электронная подпись и завешание в драфтах.— Тогда давай. Он сел на край кровати. Я села рядом. Мы открыли приложение на моём телефоне. Я зашла в раздел «Семья и дети». Потом в «Расторжение брака». Система попросила ввести номер свидетельства. Я ввела. «Данные не найдены». Мы переглянулись. Наши лица были в двадцати сантиметрах друг от друга. Я видела крошечную родинку у него на шее.— Введи свои, — сказала я. Марат ввёл. «Данные не найдены».— Что за чёрт? — он провёл рукой по лицу и оставил красную полосу. — Мы что, не расписаны? Это всё розыгрыш? Свидетельство не настоящее?— Выглядит настоящим, — я повертела на свету. — И кольца они золотые, это не пластик.— Подожди, — он замер. — Я проверю кое-что. Он открыл свой банковский аккаунт. Я случайно увидела баланс — и чуть не поперхнулась. У этого бармена было больше нулей на счёте, чем у моего начальника за год работы.— Марат? Он не ответил. Его лицо вытянулось. Потом побледнело. Потом стало красным — сначала шея, потом скулы, потом лоб.— Нет, — прошептал он. — Нет, нет, нет!— Что?! Он повернул ко мне экран. Я увидела список операций за вчерашний день. Одна из них — перевод на сумму, которая заставила мои глаза вылезти из орбит. «Перевод ИП "ЗАГС-ЭКСПРЕСС". Сумма: 210 000

рублей». — Ты перевёл двести десять тысяч какому-то ИП?! — мой голос сорвался на фальцет, как у подростка. — Не я! — он вскочил и начал ходить по номеру, сжимая телефон так, что экран треснул. — Мы! Мы перевели! Вчера! Пьяные! — Двести тысяч?! Он запустил пальцы в волосы и замер. — У меня теперь есть счет от ИП с названием «ЗАГС-ЭКСПРЕСС» и фиктивный брак, который не числится на госуслугах! — Подожди, — я схватила его за руку, останавливая. — Подожди. Давай спокойно. Набираем это ИП. Погуглим, позвоним. Я набрала номер. Гудок. Потом приятный женский голос, как у оператора колл-центра: — «ЗАГС-ЭКСПРЕСС», пилотный проект «Нацпроект Семья и Дети». Чем могу помочь? Я включила громкую связь. — Здравствуйте, — сказала я максимально ровным голосом, хотя внутри меня всё тряслось. — Мы вчера воспользовались вашими услугами. И хотели бы понять, действительно ли мы женаты? — Одну минуту, — послышался стук клавиш. Девушка запросила номер свидетельства. Я назвала номер с бумажки. — Да, вы заключили брак вчера в 23:47 в нашем передвижном пункте. Поздравляю! — Но на госуслугах нет записи! — выпалил Марат. — Ах да, — оператор засмеялась так беззаботно, будто речь шла о забытой скидочной карте. — Это наш новый пилотный проект в рамках национальных проектов России. Регистрация брака занимает всего два часа после подачи заявления — никаких очередей, всё онлайн, через наше приложение. Но данные на портал госуслуг поступают в течение тридцати календарных дней. Так что пока вы официально женаты, но в системе — нет. Это для вашего удобства! — Для нашего удобства? — Марат посмотрел на меня с выражением человека, который хочет закопаться обратно в кровать и не вылезать. — А как развестись? — спросила я. — Ой, — оператор замялась. — Развод через нас не оформить. Только через обычный ЗАГС. Но у вас есть тридцать рабочих дней, чтобы подать заявление на расторжение. Если уложите — брак аннулируется без статуса «разведён» в документах. Это тоже пилотный проект. Удачи вам и семейного счастья! Она отключилась. Я уставилась на телефон. Марат уставился на меня. В комнате повисла тишина, прерываемая только жужжанием кондиционера. — Тридцать рабочих дней, — медленно сказал он. — Это месяц. — Технически полтора, — поправила я машинально, потому что привычка считать риски никуда не делась. — Календарные дни — это все дни подряд, включая выходные. Рабочие не учитывают выходные и праздники. Но если мы подадим заявление через тридцать дней, то обработка займёт ещё неделю. Плюс выходные. Итого полтора месяца. Он посмотрел на меня долгим взглядом. Светлые глаза сузились. — Ты пресная, — сказал он. — Что?! — Пресная, — повторил он, и в его глазах мелькнула искра — то ли злости, то ли смеха. — Я только что узнал, что я женат на банковском работнике, который считает календарные дни. Моя жизнь превратилась в комедию, а ты поправляешь меня про полтора месяца. — Ах, я пресная? — я схватила подушку с кровати и запустила ему в голову. Он поймал её. Одной рукой. Легко, будто это была не подушка, а теннисный мячик. А потом он потянул подушку на себя. Вместе с подушкой потянулась и я, потому что я по-дурацки за неё держалась. Я упала на него. Точнее, на его колени. Ещё точнее — я оказалась сидящей на нём, а мои руки упёрлись ему в голые плечи. Его торс. Его татуировки. Его запах — кожа, вчерашний виски и ещё что-то невыразимо мужское. Утренняя щетина. — Катя, — сказал он тихо. — Марат, — ответила я, чувствуя, как горят щёки. — Ты на мне. — Я знаю. — Это неловко. — Очень. Его пальцы легли на мою поясницу. Горячие, тяжёлые, обжигающие через тонкую ткань блузки. Я чувствовала каждый миллиметр его ладоней. Сердце колотилось где-то в горле. А потом он резко притянул меня и поцеловал. Не как вчера — для публики. Не нежно. А так, будто я была его. И он хотел, чтобы я это знала. Губы накрыли мои, твёрдые и требовательные. Его язык скользнул внутрь, и я забыла, как дышать. Мои пальцы сами сжались на его плечах. Я придвинулась ближе. Или он придвинул меня — я уже не понимала. Его рука скользнула выше, к лопаткам. Потом к шее. Он запустил пальцы в мои волосы и слегка оттянул, заставляя запрокинуть голову. И углубил поцелуй. Я застонала. Тихо. Почти неслышно. Но он услышал. — Что ты делаешь? — выдохнула я, когда он оторвался от моих губ на миллиметр. — Целую жену, — ответил он хрипло. Я

открыла глаза. Его светлые зрачки расширились, стали почти чёрными, в них горело что-то первобытное. Он смотрел на мои губы. На мои глаза. На мои губы снова.— Мы не — начала я.— Ничего не говори, — перебил он. — Только скажи, если хочешь, чтобы я остановился. Я хотела сказать «остановись». Правда хотела. Но вместо этого я сказала:— Надень рубашку. Он моргнул. Потом улыбнулся — какой-то завораживающей полуулыбкой, от которой у меня подгибались колени. Даже когда я сидела на нём.— Это «да» или «нет»?— Это «надень рубашку, пока я не сделала что-то, о чём мы оба пожалеем».— Я уже пожалел о том, что мы поженились, — сказал он, не отпуская меня. — Но о том, что я тебя поцеловал — нет.— Ты дурак.— А ты пресная, — повторил он. — Но почему-то очень вкусная. Я слезла с него, он не удерживал. Руки дрожали. Ноги тоже. Я отошла к окну и уставилась на город, который только просыпался. Где-то внизу сигналила машина, летели между деревьями птицы, и люди шли на работу, не подозревая, что на одиннадцатом этаже отеля «Вегас-Люкс» кредитный аналитик только что чуть не переспала с мужем понарошку.— Полтора месяца, — сказала я в стекло. — Мы проживём вместе полтора месяца. Развод. И забыли.— Договорились, — услышала я его голос за спиной. Я обернулась. Он уже надевал рубашку, мятый воротник торчал вверх. Пуговицы застёгивал медленно, сверху вниз. И я почему-то не могла отвести взгляд от его пальцев. Таких длинных, сильных, с чёткими костяшками.— Катя, — сказал он.— Что?— Ты смотришь на меня довольно похотливо. Я резко отвернулась к окну. Моё отражение в стекле было красным, как помидор. Да. Полтора месяца. Я справлюсь. Я же банковский работник. Я умею считать риски. Но почему-то самый большой риск сейчас стоял за моей спиной и застёгивал последнюю пуговицу. И улыбался.

Глава 3. Ёжик, хлеб и другие войны

Переезжать к мужчине, за которого ты вышла замуж по пьяни, — это как прыгать с парашютом, который упаковал твой бывший. Весело, но страшно. И почему-то хочется ещё.

Мы стояли в номере отеля, похожие на двух свидетелей преступления, которое совершили сами. Я в мятой блузке. Марат в рубашке, застёгнутой неправильно — верхняя пуговица попала в нижнюю петлю, и это почему-то бесило меня больше, чем факт нашего фиктивного брака.

— Нам нужно где-то жить, — сказал он, поправляя воротник. Бесплезно. Воротник был настроен бунтовать. — У меня квартира. У тебя квартира. Выбирай.

— А что, вариант «каждый у себя» не рассматривается?

— Рассматривается, — он посмотрел на меня как на ребёнка, который предложил кормить кота шоколадом. — Но тогда наши бывшие узнают, что мы не живём вместе, и поймут, что брак фальшивый. А смысл тогда всего этого цирка?

— В цирке хотя бы клоуны получают деньги, — буркнула я. — А мы тут бесплатно страдаем.

Он усмехнулся. Эта его полуулыбка начинала действовать мне на нервы. И на что-то ещё. Но я старалась не думать о «чем-то ещё».

— Так твоя или моя? — повторил он.

Я задумалась. Моя квартира — это студия двадцать пять квадратных метров на окраине. Там помещается кровать, шкаф, кухонный уголок и моя коллекция кружек с надписями «Кофе — это единственное, что держит меня на этой работе». Бонусом идет соседка снизу, которая слушает «Ласковый май» по ночам и плачет. Плюс тараканы, которые приходят на запах моей тоски.

Его квартира я не знала, какая у него квартира. Но судя по балансу на банковском счёте, который я случайно увидела, там были не только стены, но и, возможно, прислуга.

— Покажи свою, — сказала я.

— Что?

— Квартиру. Покажи фото.

Он порылся в телефоне и протянул мне.

Я чуть не выронила телефон.

Трёхкомнатная. В новостройке. С панорамными окнами во всю стену. Там была кухня-гостиная с диваном, на котором могли спать шесть человек. И кровать. Огромная. С балдахином. Балдахином, Карл!

— У тебя балдахин над кроватью? — мой голос прозвучал как у пациента психушки, который впервые увидел единорога.

— Это не балдахин, это элемент декора, — сказал он так важно, будто объяснял разницу между импрессионизмом и постимпрессионизмом.

— Там кружева!

— Дизайнерский текстиль. Французское льняное полотно.

— Ты владелица бара с татуировкой дракона на пол тела, и у тебя КРУЖЕВА НАД КРОВАТЬЮ?

— Это французское льняное полотно, — он скрестил руки на груди, и рубашка натянулась на плечах. — И вообще, ты спишь на диване. Тебя кружева не касаются.

Я закатила глаза. Но мысленно уже переезжала. Бесплатный сыр бывает только в мышеловке, но моя мышеловка пахла французским текстилем.

— Хорошо. Живём у тебя. Но соблюдаем условия.

— Какие условия? — он насторожился. Даже бровь приподнял.

— Я сплю на диване. Ты в спальне. Дверь закрыта. Никаких совместных завтраков в нижнем белье.

— У меня нет нижнего белья в том смысле, который ты подразумеваешь.

— Тогда никаких совместных завтраков в твоём понимании нижнего белья, — отрезала я. — Никаких случайных встреч в коридоре в полотенце.

— У меня два коридора. Мы можем разминуться.

— Ты издеваешься?

— Я предлагаю логистическое решение, — он был невозмутим. — А ещё я предлагаю заехать за твоими вещами. Прямо сейчас. Пока я не передумал и не сжёг свой паспорт, чтобы сбежать в другую страну.

— В загранпаспорте нет штампа о браке. Ты не сможешь доказать, что ты женат, даже если захочешь.

— Это единственная хорошая новость за сегодня.

Мы вышли из отеля. Он поймал такси. Я назвала адрес своей студии. В машине мы молчали. Но молчали напряжённо. Как два заложника, которых посадили в одну камеру и сказали: «Дружите».

Таксист включил радио. Играла какая-то медленная песня про любовь. Марат выключил.

— Не выносишь романтику? — спросила я.

— Не выношу фальшь, — ответил он. — Как то, что мы сейчас разыгрываем.

— Это не фальшь. Это бизнес-план.

— Бизнес-план? Ты серьёзно?

— Я кредитный аналитик. Я всё просчитываю. Мы живём вместе полтора месяца, потом разводимся. Никаких чувств, никаких обязательств. Чистая сделка.

Он посмотрел на меня долгим взглядом. Светлые глаза блеснули в полумраке салона.

— Ты так уверена, что не возникнет чувств?

— А у тебя с этим проблемы?

— Я спросил первым.

— Я не отвечаю на гипотетические вопросы.

— А я не заключаю сделки с людьми, которые боятся честности.

Мы замолчали. Таксист косился на нас в зеркало.

— Молодые люди, — сказал он. — Вы всегда так мило общаетесь?

— Это у нас прелюдия, — буркнул Марат.

Я подавилась воздухом.

Квартира встретила меня запахом вчерашнего супа и тихим «Ласковым маем» из-под пола.

— У тебя тут уютно, — сказал Марат, оглядываясь.

— Не ври.

— Ладно, тут похоже на камеру хранения, где живёт человек, который ненавидит жизнь, но любит кружки.

— Это моя коллекция, — я показала на стеллаж с кружками, который занимал половину стены. — Вот эта: «Кофе — это единственное, что держит меня на этой работе». Вот эта: «Я не волшебник, я только учусь». А вот эта: «Ты похож на моего бывшего — такой же бесполезный».

— Последнюю ты купила после расставания?

— На следующий же день. Она стоила тысячу рублей, и это были лучшие потраченные деньги в моей жизни.

Марат подошёл к стеллажу, взял кружку «Ты похож на моего бывшего» и внимательно её рассмотрел. Я почему-то занервничала.

— А я похож на твоего бывшего? — спросил он.

— Ты похож на человека, у которого балдахин над кроватью, — ответила я, складывая в сумку туфли. — Это гораздо хуже.

— Французское льняное полотно, — повторил он, как мантру.

Я закатила глаза. Но внутри что-то ёкнуло, когда я увидела, как его длинные пальцы гладят край кружки. Он словно гладил не керамику, а что-то живое.

Соберись, Дорохова. Он просто рассматривает кружку. Он не гладит тебя. Он гладит кружку.

— А это что? — он кивнул на дверь слева.

— Ванная.

— А за дверью ванной?

— Кладовая.

Он открыл дверь. Там были коробки. Много коробок. С надписями «Зимнее», «Осеннее», «Книги, которые я никогда не прочитаю», «Книги, которые я прочитала, но не выкину», «Свечи на случай апокалипсиса».

— Свечи на случай апокалипсиса? — он повернулся ко мне с выражением священного ужаса.

— А вдруг отключат электричество? Я хочу видеть лицо зомби при свечах. Это эстетично.

— Ты пугаешь меня, Дорохова.

— Я пугаю сама себя, Климов. Собирайся. Нам нужно уехать до того, как соседка снизу начнёт петь «Белые розы».

Он помог мне собрать сумку. Одну. Потом вторую. Третью. Потом четвёртую, потому что «эти туфли нужны к этим брюкам, а эти брюки не подходят к этим туфлям, а без туфель я не могу, а без брюк тем более».

— У тебя вещей на две жизни, — сказал он, таская сумки к выходу. Пот заструился по его вискам.

— У меня одна жизнь, и она требует смены нарядов!

— Ты работаешь в банке. Там дресс-код.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.